

**маски
духа**

МАСКИ ДУХА

Е ф и м Б е р ш и н

р о м а н

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б52

Художественное оформление
Петра Петрова

Бершин, Ефим Львович.
Б52 Маски духа : роман / Ефим Бершин. —
Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-096319-5

Эта книга – о нас и наших душах, скрытых под различными масками. Маска – связующий элемент прозы Ефима Бершина. Та, что прикрывает весь видимый и невидимый мир и меняется сама. Вот и мелькают на страницах книги то Пушкин, то Юрий Левитанский, то царь Соломон. Все они современники – потому что времени, по Бершину, нет. Есть его маска, создавшая ненужные перегородки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096319-5

© Бершин Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Я просыпаюсь в час самоубийц,
В свободный час, когда душа на воле.
И люди спят, а не играют роли,
И маски спят, отлипшие от лиц.*

Евг. Блажеевский

Предупреждение

Автор уполномочен предупредить, что все события, отраженные в данном повествовании, хоть и принимали иногда характер невероятный, но все же имели место быть в действительности.

Отдельно следует сказать о героях и персонажах. Все герои – реальные, а персонажи – вымышленные. И если имена и фамилии этих вымышленных персонажей вдруг совершенно случайно совпадут или хотя бы напомнят имена и фамилии реальных людей, а те, в свою очередь, по каким-то причинам не смогут отличить героев от персонажей, то автор за это ответственности не несет, судебных исков не принимает и остается в своем праве. То же самое относится и к самому автору, если он, упаси боже, в чем-нибудь усомнится.

Предупреждение это тем более необходимо, что каким-то неведомым автору образом многие герои по ходу повествования обрачивались персонажами, а персонажи – героями. И творили несусветное. Но тут уж ничего не поделаешь.

І. Перемена климата

Багровое солнце уже сварилось в море, когда две части эскадрона, несшиеся наперерез друг другу от вокзала и Большого Фонтана, соединились на углу Ришельевской и Еврейской. Обогнавшая остальных первая пятерка всадников, во главе которой мчался человек с шеей, вздутой, как лошадиная морда в галопе, вдруг резко остановилась и развернула лошадей лицом к эскадрону.

— Сто-о-й! — заорал передний.

И всадники тут же подавились брусчаткой.

А Ришельевская меж тем была почти пуста. Избегая лишних проблем, владельцы магазинов живо опустили плотные жалюзи на стекла витрин и затаились где-то в недрах проходных дворов, где обитали сапожники, га-

лантерейщики и молодые воровки. И только застрявшие на подъеме от моря, груженные зерном и жирными бычками биндюги, так и не успевшие доставить товар по назначению, то тут, то там выглядывали из-за углов.

— Ша, Григорий Иванович, — наклонился к уху Котовского гарцевавший рядом носатый кавалерист — такой длинный и тощий, что его чудом не сдувало с седла, — ша, ты спортишь весь концерт.

Тогда Котовский снял фуражку и, приподнявшись на стремянах, замахал ею над головой. Эскадрон затих.

— Ша! — хищно сузив глаза, повторил за носатым Котовский. — Командиры, ко мне!

Через минуту эскадрон легким шагом двинулся вперед, пересек Дерибасовскую и рассыпался вокруг оперного театра. А пятерка во главе с Котовским и словно тень приклеившимся к нему носатым кавалеристом обогнула театр со стороны бульвара и ткнулась лошадиными мордами в грузовые ворота.

— Сноси! — приказал Котовский Носатому. И тот, вздыбив коня, обрушил его передние ноги на обшарпанные ворота, которые много видели на своем веку, но такого не видели.

Раздался треск, и через несколько секунд вся пятерка уже протискивала своих лоша-

дей по узким коридорам, мимо гримерных, мимо расписных стен, увешанных портретами чинных основателей и безглазыми масками. Носатый на ходу сорвал одну из них и тут же, залившись веселым фальцетом, примерил.

На сцену, путаясь в декорациях и кулисах, они ворвались в тот момент, когда вспыхнула овация и усталый певец, стирая со лба перемешанный с гримом пот, склонился в глубоком поклоне. Потом говорили, что он, так и не сообразив разогнуться, медленно сполз в зал. Хотя это вряд ли было так, потому что ему непременно помешала бы оркестровая яма. Зато сам зал, как Лотова жена, застыл в соленом ужасе, глядя на выстраивавшихся на авансцене кавалеристов. Впереди, отражая бритой головой прожектора и софиты, гарцевал огромный Котовский, а из-за его спины выплывал длинный и тощий всадник в смеющейся маске без глаз.

* * *

После долгой жизни на севере я стал плохо переносить южный климат. Как приеду на юг — сразу перед глазами все плывет, воздух плавится, как плохой асфальт, а в голове одни видения. А тут как раз, после недели про-

ливных дождей, в Одессе разразилась буквально египетская жара. Уже подходя к Привозу, я проклинал одесскую колбасу, за которой и явился на базар, потому что почувствовал, что воздух густеет на глазах, становится желтым и тягучим, как мед с дачной пасеки моего приятеля Геши, которого ненавидели все соседи по дачному поселку, что на Десятой станции Большого Фонтана. И было за что. Поскольку дворик у Геши был маленький, пчелы время от времени вырывались за его пределы и первым делом почему-то накидывались на соседских собак. Причем известно же, что пчелы на собак не кидаются в принципе, потому что не любят шерсти. А эти кидались и жалили в самое незащищенное место — в нос. И собаки, как ужаленные (то есть именно ужаленные), с распухшими носами, остервенело набрасывались на стенку каменного забора, на котором белел наполовину изгрызенный профиль Анны Андреевны Горенко (в скобках — Ахматовой). Таким образом, благодаря пчелам и обезумевшим от боли собакам, я и узнал, что где-то здесь, за забором, в доме, которого больше нет, родилась великая Ахматова.

Так вот. Воздух густел на глазах, густел до такой степени, что становилось заметно, из

чего он состоит. Более того, мне показалось, что местами он начинает расслаиваться и повисает на проводах, как белье на веревке.

На Привозе было все как обычно.

— Боря, не кушай холодную грушу! — орала тощая мадам с черными усами. — У тебя будет ревматизм!

— Можно подумать! — откликнулась торговка грушами. — Ни у кого нет ревматизма, а у него будет. Он у вас особенный.

— Так ребенок же вспотел, как грузчик с порта! У него точно что-нибудь будет, — подключалась соседка по прилавку. — Лучше попробуйте брынзу. Это такая брынза, чтоб вы таки знали. — И зачем-то гладила себя по огромной груди, которая наполовину состояла из спрятанных за лифчик купюр.

— С вашей фигурой надо немедленно идти на бульвар, — уважительно отнесся клиент, которому подошла очередь. — Вас же будет видно со всех кораблей Черноморского флота!

Получив комплимент от сомнительного качества мужчины, торговка медленно развернула безразмерный торс и обиженно произнесла:

— Можете даже не приседать. Я уже и так вижу, что вы не с нашего города. Наш мужчи-

на себе такое не позволяет. Наш мужчина — культурный от рождения.

Подвешенный на столбе радиоколокол торжественно хрипнул и объявил песни местных авторов, после чего на весь базар разнеслось:

*Как-то я гулял по переулочку,
там, где я всегда люблю гулять-лять-лять-лять.
И на тротуаре возле булочной
мы с тобою встретились опять-пять-пять-пять.*

И припев:

*Гоп-ля! Ехали казаки!
Гоп-ля! Ехали казаки!*

Куда ехали казаки, понять было невозможно, потому что с соседнего столба путь им преградил известный классический шлягер:

*Оу-тоу-перевертоу, бабушка здорова!
Оу-тоу-перевертоу, кушает компот!*

И тут из-за забора с полностью независимым видом вынырнул кудрявый брюнет в клетчатом пиджаке и двумя громилами за спиной. И на все происходящее неторопливо шевелил тонкими усами, поигрывая сверкающим ножичком с наборной рукояткой. Он ничего не покупал, потому что сам был как товар, которому еще не дали истинную цену.

И не могли дать. Потому что он, как руки из жилетки, явно вылезал из того исторического отрезка, в котором бурлил базар. Неторопливо приплыв к прилавку, клетчатый брюнет остановился возле торговки брынзой и сказал своим громилам: «Ша!»

— Ша! — сказал он своим громилам, достал из кармашка белоснежный кружевной платок, музыкально высморкался, поинтересовался у торговки, почем идет товар, брезгливо воткнул палец в податливую плоть брынзы, понюхал и тут же вытер палец о полотенце, на котором брынза была разложена.

— Босяк! — крикнула торговка, заметно округлевшими глазами вылупившись на странного клиента. — Думаешь, если ты надел шляпу из музея, так ты уже Дюк Ришелье? Кто так обращается с товаром?

— Это товар? — пожал плечами брюнет и оглянулся на громил, которые тут же заржали, как стадо крымских мустангов. — Таким товаром на Молдаванке кормят собак. Если хотят от них избавиться.

— Так и иди на свою Молдаванку! — закричала торговка, налегая на прилавок и закрывая обширной грудью брынзу. — Щипач поганый.